

Возникает естественный вопрос о том, что же делать, чтобы мода не становилась фактором криминальной креативности молодежи. Во-первых, думаю, что мода, в частности ее криминальный потенциал, нуждается в глубоком научном осмыслении. Во-вторых, нельзя пренебрегать известным

опытом человечества, которое еще в давние времена пришло к выводу о том, что в моде находит отражение эстетический вкус. Для того, чтобы субкультура не становилась модой, во всяком случае, для большинства, необходимо воспитывать вкус и пропагандировать эстетические ценности.

Тепляшин П.В.,

доктор юридических наук, доцент
Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

Корреляция социально-экономических факторов и уровня преступности (в контексте криминологических рисков)

Исследование корреляционной зависимости социально-экономических факторов и соответствующих, в первую очередь количественных, показателей современной преступности дает возможность приблизиться к объяснению «работоспособности» различных криминологических теорий, обеспечивает принятие концептуальных решений по оптимизации уголовной и уголовно-исполнительной политики и позволяет прогнозировать возможные криминологические риски при реализации актуальных государственных мер социально-экономической направленности. Полагаем, что для воплощения в жизнь объективно востребованных мер необходима научно продуманная, основанная на реальных ресурсных и технологичных возможностях государства криминологическая концепция, которая должна предполагать минимизацию соответствующих рисков.

Также следует обратить внимание на целесообразность обращения к мировому опыту, поскольку его понимание носит не только теоретико-познавательный характер, но и позволяет избежать определенных ошибок в государственной политике по реализации актуальных социально-экономических мер. Хотя уголовное и уголовно-исполнительное право, отечественная криминологическая доктрина отражают национальные и культурные традиции, но декларируемое стремление России продолжать движение по пути социально-экономических и политических реформ указывает на

критическое осмысление чужого позитивного опыта. Так, в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации закрепляется: «Российская Федерация выступает за укрепление взаимовыгодного сотрудничества с европейскими государствами, Европейским союзом, за гармонизацию интеграционных процессов в Европе». Соответственно, нельзя обходить стороной опыт социально-экономических реформ, интересную практику противодействия преступности в зарубежных государствах, закрепление по этой линии взаимовыгодных партнерских отношений. Например, не случайно среди принципов определения содержания инновационной для отечественной правовой науки Модели Общей части нового Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации выделяется учет современного и исторического опыта исполнения уголовных наказаний и иных мер уголовно-правового характера в зарубежных странах¹.

Можно говорить о различных факторах, которые находятся в корреляционной зависимости с уровнем преступности (например, политические, правовые, культурологические), но особый интерес представляют экономические и социальные. Рассмотрение данных факторов имеет в определенной степени условный характер, поскольку их действие может носить несколько разноплановый характер в том или ином государстве в силу укоренившихся культурно-исторических особенностей.

¹ Общая часть нового Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации: итоги и обоснования теоретического моделирования / под ред. В.И. Селиверстова. М. : Юриспруденция, 2017. С. 29-30.

Вместе с тем данные особенности отражают типовые характеристики соответствующей модели построения правоохранительной деятельности, работы судебных органов и пенитенциарной системы конкретного государства.

Обращение к социально-экономической группе факторов показывает, что именно либерализация рынка способна расширить возможности для трудоустройства населения. В связи с этим нельзя не отметить результаты исследований, проведенных либертарианским канадским аналитическим центром Fraser Institute (<https://www.fraserinstitute.org>) и демонстрирующих индекс экономической свободы мира (EFW), согласно которым допустимо измерить экономическую свободу конкретного государства по шкале от нуля до десяти. Данный индекс отражает участие правительства в стабилизации цен, безопасность частной собственности, степень свободы торговли с иностранными агентами, а также эффективность регулирования кредитной и трудовой деятельности. Подобные исследования обеспечивают репрезентативность выводов о влиянии социально-экономических факторов не только на коэффициент преступности, но и на частоту обвинительных приговоров, вынесенных в отношении лиц, совершивших тяжкие и особо тяжкие преступления.

Однако даже некоторое повышение вариативности общественно опасных деяний в сфере экономической деятельности и преступлений против собственности сдерживается снижением личных стимулов для преступной деятельности за счет выбора правомерного способа получить доход. Вместе с тем полагаем несостоятельной позицию о том, что экономически более свободные (с более либеральной экономикой) страны сталкиваются с менее опасными насильственными и корыстно-насильственными преступлениями (в силу низкой социальной напряженности) и поэтому их правоохранительная система имеет меньшие карательные притязания. В рамках экономических факторов можно найти этому объяснение, поскольку в таких государствах существуют достаточные ресурсы,

наряду со значительными инвестициями в правоохранительную деятельность, для широкого применения наказания в виде тюремного заключения к лицам, совершившим различные по степени общественной опасности преступления. Изучение статистических данных, представленных на сайте Международного Центра тюремных исследований – International Centre for Prison Studies (<http://www.prisonstudies.org>), показывает, что одни из самых высоких показателей тюремного заключения наблюдаются как раз в государствах с либеральной рыночной экономикой.

Далее отметим, что рост уровня трудовой занятости населения значительно сокращает численность заключенных. Однако следует учитывать, что подобная занятость может увеличивать рост государственных притязаний (требований) к социально одобряемому поведению той части населения, которая имеет стабильный заработок и, соответственно, ужесточать карательные притязания (в частности, за счет увеличения длительности изоляции осужденного от общества и(или) его широкого применения) к лицам, совершившим преступления как экономической направленности, так и общеуголовного характера. Не случайно Тапио Лаппи-Сеппала (Tapio Lappi-Seppälä) отмечает, что государства с либеральной экономикой зачастую не придерживаются строгих обязательств в отношении социальных прав и достаточных расходов на социальное обеспечение, что как раз и приводит к возрастанию преступности и, следовательно, к эскалации тюремного заключения¹.

Нельзя обойти вниманием государственные расходы на содержание правоохранительных органов, в частности полиции. Рост численности, профессионализма и технической оснащённости полиции объективно повышает эффективность профилактического воздействия на преступность. Например, некоторые исследователи установили, что рост численности на 10% снижает число насильственных преступлений

¹ Lappi-Seppälä T. Trust, welfare, and political culture: Explaining differences in national penal policies // Crime and Justice. 2008. V. 37. I. 1. P. 344-351.

на 4-10%, имущественных – на 2-5%¹. Также установлено, что с позиции эффективности профилактики преступности более целесообразным вариантом расходования бюджетных средств являются инвестиции в правоохранительные органы, нежели в исправительные учреждения². Так, эластичность преступности по отношению к «тюремному населению» приблизительно находится в интервале от $-0,1$ до $-0,2$, что значительно меньше чем эластичность криминала по отношению к полицейской деятельности (около $-0,3$, то есть 10% рост вероятности оказаться в исправительном учреждении снижает уровень преступности на 3 %)³. На основе микроэкономического анализа проблемы «двойных дивидендов» (одновременное снижение уровня преступности и тюремного населения) американские ученые Джейкоб Каплан и Аарон Чалфин (Jacob Kaplan, Aaron Chalfin) пришли к следующим небезынтересным выводам: 1) прием на полицейскую работу трех новых сотрудников обуславливает пополнение исправительного учреждения дополнительно только одним заключенным (однако увеличение численности сотрудников полиции на 10% уже приведет к росту «тюремного населения» на 5,4%); 2) каждые дополнительно выделяемые на полицейскую деятельность 10 000 долларов приводят к снижению количества

«тюремных» приговоров на $-0,01$; 3) увеличение числа выявленных преступлений и задержанных лиц, их совершивших, не приводит к экспоненциальному росту осужденных, направляемых в исправительные учреждения (в среднем коэффициент конверсии составляет 30% – удельный вес лиц, подвергнутых тюремному заключению, среди всех задержанных по подозрению в совершении преступления)⁴.

Резюмируя рассмотрение социально-экономических факторов, следует помнить «парадокс Мандевиля» и критически оценивать корреляционную взаимосвязь государственного финансирования правоохранительной деятельности и уровня преступности (включая численность осужденных, находящихся в местах изоляции от общества).

Рассмотренный опыт показывает, что обнаружение факторов, обуславливающих уровень преступности и характер государственного принуждения, выступает значительной межотраслевой проблемой, их понимание высвечивает соответствующие криминологические риски при реализации актуальных государственных мер социально-экономической направленности, помогает приблизиться к установлению места и роли правоохранительной деятельности в современных социально-экономических и политико-правовых процессах.

¹ Corsaro N., Wilson J.M. The effects of police contracting on crime: An examination of Compton, California // *Journal of Experimental Criminology*. 2018. V. 14. I. 1. P. 59-81.

² Chalfin A., McCrary J. Criminal deterrence: A review of the literature // *Journal of Economic Literature*. 2017. V. 55. I. 1. P. 5-48.

³ Raphael S., Lofstrom M., Martin B. The effects of California's enhanced drug and contraband interdiction program on drug abuse and inmate misconduct in California's prisons. Berkeley: University of California, California Policy Lab, 2017. P. 3-7, 11-37.

⁴ Kaplan J., Chalfin A. More cops, fewer prisoners? // *Criminology & Public Policy*. 2019. V. 18. P. 173, 187-188.